

СООБЩЕНИЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДВИГ А. Н. РАДИЩЕВА

Л. Б. Светлов

Мужественное революционное выступление Радищева прозвучало в самодержавно-крепостнической России конца XVIII в. словно набатный колокол, будя и поднимая передовых русских людей на борьбу за освобождение народа от крепостнического рабства, политического бесправия и угнетения.

И. В. Сталин в письме к Демьяну Бедному отмечает, что революционная деятельность Радищева, Чернышевского, Желябова, Ульянова, Халтурина и Алексеева вселяет революционную национальную гордость в сердца русских людей и служит для рабочих всех стран ярким образцом борьбы за свободу.

«Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»¹.

Вся деятельность Радищева представляет собой достойный пример самоотверженного, бескорыстного служения народу. Он мужественно переносил преследования и мучения, которым его подвергало царское самодержавие.

В дореволюционной буржуазно-дворянской науке долгое время в большом ходу была легенда, будто сам Радищев не думал о революционном характере своей деятельности, не подозревал о тяжёлых гонениях, которым он может подвергнуться за антикрепостническую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Сторонники этого нелепого взгляда утверждали, что главной целью Радищева было достижение писательской славы. Так, С. Р. Воронцов,

брат покровителя Радищева, русский посол в Англии, писал из Лондона 9 января 1797 г.: «Наконец я осведомился, что в числе прощенных находится и бедный наш Радищев; весть, чрезвычайно для меня приятная, так как я твердо убежден, что он никогда не был виновен в преступлении предумышленном, но что поступок сделан им единственно по легкомыслию и незнанию последствий, которые могли произойти от его книги»². Эта версия, игнорирующая революционное мужество Радищева и использованная в своё время влиятельными вельможами братьями Воронцовыми с целью защиты и смягчения участи осуждённого писателя, была подхвачена позднее дворянско-буржуазной наукой и публицистикой. М. И. Сухомлинов утверждал, например, что для Радищева арест и суровая кара были неожиданными. «Такое наказание, даже в его смягченном виде, — пишет он, — поразило Радищева и своею строгостью и своею неожиданностью. Но каким образом Радищев мог не чувствовать беды, которую он сам накликал на себя? Восставая против существующего порядка вещей и расширив до последних пределов круг своих обличений, Радищев должен был взвесить свои силы в неравной борьбе и заранее приготовиться к поражению со всеми его последствиями»³.

Представитель буржуазной науки, М. И. Сухомлинов не мог и не хотел понять глубоко революционной сущности самоотверженного поступка Радищева, сознательно умалчивал о том, что Радищев до и после издания «Путешествия» боролся против существующего самодержавно-крепостнического «порядка вещей» и в достаточной мере правильно оценивал свои возможности в неравной борьбе с врагами народа.

² Архив Воронцова. Т. X, стр. 5—6 (перевод с французского).

³ М. Сухомлинов. Статьи и исследования по русской литературе и просвещению. Т. I. СПб. 1889, стр. 561.

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 25.

Радищев знал, что издание «Путешествия из Петербурга в Москву» не пройдёт безнаказанно. В его произведениях, написанных задолго до ареста и ссылки, проскальзывают мрачные предчувствия. В «Дневнике одной недели», написанном Радищевым, повидимому, в 80-х годах, обращает на себя внимание его заметка о представлении трагедии «Беверлей». Герой трагедии кончает в темнице самоубийством. Радищев пишет по этому поводу в «Дневнике»: «Он пьет яд — что тебе до того. Но он сам причина своему бедствию — кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду». К этим строкам есть примечание, сделанное, возможно, самим Радищевым уже в ссылке: «Сие сбылось через несколько лет»⁴.

Ещё до выхода «Путешествия» в свет Радищев получил грозное предостережение. Его повесть «Житие Фёдора Васильевича Ушакова», выпущенная в 1789 г., вызвала крайнее недовольство. В ней находили «опасные намеки». В придворных кругах уже тогда заговорили о бунтарстве и дерзости автора⁵.

В повести есть и прямые намёки на тяжёлую личную судьбу, возможно, ожидающую её автора. Вспоминая эпизод, когда он и А. М. Кутузов отказались в Лейпциге

⁴ Некоторые исследователи предполагают, что «Дневник одной недели» написан Радищевым в начале 1790-х годов, после «Путешествия из Петербурга в Москву», во время пребывания в сибирской ссылке. Эти предположения трудно признать убедительными. Анализ «Дневника» с полной очевидностью свидетельствует о том, что он написан именно в Петербурге до выхода «Путешествия» и до ссылки Радищева в Сибирь. Так, в первый день, с которого начинаются записи в дневнике, в субботу, Радищев пишет о том, что он, по обыкновению своему, пошёл к отправлению своей должности. О необходимости исполнения своих служебных обязанностей Радищев пишет и во вторник. В четверг он отправляется в «Волково деревню», то есть на Волково кладбище. Разумеется, ни о каких служебных делах писать Радищев в Сибири не мог, как не мог вне Петербурга писать о прогулке на Волково кладбище. В «Дневнике» есть ещё ряд других указаний на то, что он был написан задолго до ссылки. Например, в понедельник (второй недели) Радищев пишет о том, что, устав ждать своих уехавших друзей, он сам решил уехать в другой город — «пускай они меня ждут...». Писать так в Сибири Радищев, разумеется, не мог.

⁵ См. Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. П. 1915, стр. 66.

дать яд умиравшему в страшных мучениях Ф. В. Ушакову, Радищев обращается теперь к Кутузову с просьбой поступать впредь более человечно. Тут же Радищев горюит о том, что надобность в «спасении» подобного рода может стать необходимой именно ему. Не случайно приводит также Радищев в этой связи завещанный ему при предсмертном прощании совет его друга Ф. В. Ушакова, что «должно быть твердо в мыслях, дабы умирать бестрепетно». «Слова его громко раздалась в моей душе, — писал Радищев, — и незагладимой чертою ознаменовались на памяти. Поживут они всецелы, доколе дыхание в груди моей не исчезнет, и не охладет в жилах кровь»⁶.

Можно предполагать, что эти прощальные слова Ушакова Радищев не случайно вспомнил именно накануне издания «Путешествия из Петербурга в Москву», когда он был полон предчувствий предстоящих грозных событий.

Масон А. М. Кутузов, которому посвящены «Путешествие из Петербурга в Москву» и «Житие Фёдора Васильевича Ушакова», хорошо знал о революционных убеждениях Радищева. Впоследствии он упрекал сосланного в Сибирь Радищева в пренебрежении его «дружескими» советами оставить эти убеждения, что, по мнению Кутузова, и привело к столь печальным обстоятельствам. «Не могу воздержаться попенять тебе, — писал Кутузов Радищеву 27 марта — 7 апреля 1792 г., — что ты презрив мой дружеский совет и чрез то ввергнул обоих нас в сие несносное для меня состояние»⁷. Конечно, А. М. Кутузов был совершенно чужд и даже враждебен революционным идеям и настроениям Радищева. Нет, однако, сомнения, что Радищев в своих дружеских беседах (они с 1762 до 1775 г. жили в одной комнате) не раз говорил Кутузову о своём намерении выступить против крепостнического рабства, посвятить революционной борьбе всю свою жизнь. Во всяком случае, письмо Кутузова неоспоримо свидетельствует о том, что Радищев, предвидя суровые последствия, которые вызовет его выступление, длительно готовил себя к ним.

Радищев не испугался нависшей над ним угрозы. Несмотря на тревожное предчувствие, он не отказался от издания «Путешествия из Петербурга в Москву».

⁶ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. Т. 1. М.-Л. 1938, стр. 184—185.

⁷ См. Я. Л. Барсков. Указ. соч., стр. 195—196.

Моральное состояние Радищева отчётливо обнаруживается при анализе текста книги. Он пишет, что при посещении станции Бронницы, где, по преданию, когда-то жил предвещавший будущее оракул, испытывал глубокое душевное волнение. «Восходя на гору, — пишет Радищев, — я вообразил себя преселенного в древность, и пришедшего, да познаю от державного божества грядущее, и обрящу спокойствие моей нерешимости»⁸. Ему слышится голос, жестоко порицающий его дерзновенное желание заглянуть в таинственное будущее. «Возвратись в дом свой, — твердит этот голос, — возвратись к семье своей; успокой встревоженные мысли»⁹. Так в форме иносказания выразил Радищев предчувствие опасности предпринятого им «путешествия» в будущее. Он не скрывает того, что испытывает в пути «нерешимость» и заблаговременно готовится ко всяким неожиданностям и невзгодам, могущим постичь такого путешественника, революционного борца за благо порабощённого народа.

В главе «Крестцы» отец поучает своего сына твёрдо и мужественно встретить любые мучения и пытки и даже самую смерть за правое дело и справедливую борьбу. «И если бы, закон или государь, или бы какая-либо на земли власть, — говорит он, — подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, будь в оной непоколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Будь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков»¹⁰. Это — безусловно проникновенное философское осмысление своей позиции, позиции борца, революционера. Радищев знал, сколько нужно сил для борьбы с таким противником, как царское самодержавие.

В главе «Новгород» Радищев подробно разбирает вопрос об естественном и гражданском правах. Однако, переходя к гражданскому праву, он вдруг прерывает свои размышления шуточным замечанием о том, что «кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей по-

скорее промыслить»¹¹. Это явный намёк на то, что в условиях самодержавно-крепостнического гнёта мудрено, да и не безопасно говорить о гражданских правах, которых нет. Именно об этом свидетельствует также помещённая несколькими строками ниже многозначительная, заканчивающаяся многоточием аллегория: «Но не все думать о старине, не все думать о завтрашнем дне. Если беспрестанно буду глядеть на небо, не смотря на то, что под ногами, то скоро споткнусь и упаду в грязь...»¹². Нетрудно разгадать иносказательный смысл и этих слов. Радищев отчётливо говорит о том, что можно серьёзно поплатиться за смелую критику екатерининского деспотического самовластья.

В главе «Завидово» Радищев предостерегает смелого «дальновидца», разоблачителя ничтожества и преступности царских вельмож, указывая при этом, что вельможи не потерпят его на своём пути и в пределах своих владений¹³. «Равно берегись и тот, кто посмеет обнаружить колдовство вельмож».

Очевидно, заключительные строки главы о цензуре «Торжок»: «что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время...»¹⁴ — также выражают понимание Радищевым участи, которая ожидала его как автора книги. Это, видимо, сознательное уклонение от небезопасного изложения истории русской цензуры, а также обещание читателям, что они вскоре узнают необычную цензурную историю, которая, как предвидел Радищев, произойдёт с его книгой.

Намёк Радищева на ожидаемые репрессии, которые обрушатся на него после выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву», содержится также в главе «Тверь». Здесь Радищев указывает, что многие сочинённые им оды «сгорели в огне». Помещённая же здесь ода «Вольность» является остатком одной из этих од, «да и оставшуюся, — говорит Радищев, — та же ожидает участь, как и сестер ее постигшая»¹⁵.

Таким образом, ещё до издания своей революционной книги Радищев предвидел возможность её истребления по приказу царского правительства. В «Путешествии» можно найти ещё несколько таких намёков. В черновых набросках и вариантах книги,

¹¹ Там же, стр. 104.

¹² Там же, стр. 105.

¹³ Там же, стр. 400.

¹⁴ Там же, стр. 340.

¹⁵ Там же, стр. 355.

⁸ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб. 1790, стр. 113.

⁹ Там же, стр. 115.

¹⁰ Там же, стр. 184—185.

не предназначенных для цензуры, Радищев мог, разумеется, более откровенно говорить об ожидавших его репрессиях. Именно этим нужно объяснить смягчение или невключение им в печатной редакции «Путешествия» некоторых особенно политически острых и резких мест, например, вступлений к главам «Крестцы», «Завидово» и др. В главе «Хотилов» вместо фразы: «Блюдитесь, да опята посечены не будете»¹⁶, — содержащей напоминание о восстании Пугачёва, сохранено в печатной редакции только слово «Блюдитесь!»¹⁷. Или, например, приведя в главе «Чудово» случай жестокости индийского владетельного князя-субаба и сравнивая с ним непристойный поступок царского чиновника, отказавшегося помочь утопавшим в Финском заливе людям, Радищев в рукописной редакции весьма недвусмысленно говорит, что так называемое «просвещенное» правление Екатерины II ничем не отличается от азиатских непросвещённых деспотий. «Чем же мы можем преимуществовать перед непросвещёнными ассирийскими правлениями?»¹⁸ — спрашивает Радищев. В печатный текст «Путешествия» это место не включено также, конечно, по цензурным соображениям.

Любопытный пример стремления Радищева обойти цензурные рогатки представляет собой его работа над текстом главы «Новгород». Рассуждая о судьбах, постигших новгородскую вечевую вольницу, уничтоженную деспотической властью самодержавия, Радищев решительно оспаривает мнение официальной дворянской историографии о том, что новгородцы, борясь за свою свободу, были якобы бунтовщиками. В одном из рукописных вариантов «Путешествия» Радищев писал: «Были и есть люди, которые его (то есть царя.— Л. С.) гнев почитали и почитают справедливым. Новгородцы в их мнении были бунтовщики. Но какое оному доказательство?»¹⁹. Надо иметь в виду, что Радищев ошибочно судил о необходимых исторически прогрессивных мерах централизованного государства, направленных к подавлению удельного сепаратизма новгородских бояр.

¹⁶ См. Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву». М. 1935, стр. 285.

¹⁷ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, стр. 262.

¹⁸ См. Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву», стр. 270.

¹⁹ См. там же, стр. 274—275.

Радищев сожалеет, что новгородцы не делали попытки восстановить свою свободу. В том же рукописном варианте «Путешествия» он пишет: «Сей государь (то есть Иван III.— Л. С.) столько успел в своем предприятии, что в новгородцах не осталось ни малейшей искры духа свободы, за которую они с толиким сражались жаром. С вечевым колоколом рушилось у них даже и зыбление, так сказать, вольности, нередко по усмирении бури остающееся, и, действительно, не видно, чтобы после того новгородцы сделали какое покушение на возвращение своей свободы»²⁰.

Однако в печатное издание «Путешествия» эти строки не вошли, и вместо них Радищев дал пародийную выписку якобы из новгородской летописи:

«Новгородцы сочинили письмо для защищения своих вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмью печатями.

В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных.

Царь Иван письмо и колокол у новгородцев отнял.

...Потом. В 1500 году... в 1600... в 1700 году... году... году Новгород стоял на прежнем месте»²¹.

Таким образом, в печатной редакции книги было использовано иносказание, где в более осторожной форме делается намёк на необходимость восстановления республиканских порядков и на крайнюю важность борьбы за восстановление уничтоженной царским самодержавием народной свободы.

В одном месте раннего рукописного текста «Путешествия» Радищев прямо говорит о возможности его ареста после издания книги. Радищев приводит советы, какие он будто давал случайному собеседнику, «автору» оды «Вольность»: «Если вы, государь мой, ни зачем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволение на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей, от нелепости выражений и, сказать вам могут, от нелепости мыслей. Он поглядев на меня с презрением: «прочтите сию бумагу и скажите мне, не по а д я т ли и за нее...» (разрядка моя.— Л. С.). При этом собеседник подаёт Радищеву незаконченную поэму «Творенье ми-

²⁰ См. там же.

²¹ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, стр. 105.

ра», которая должна была войти в «Путешествие»²².

Радищев, как известно, издал свою книгу анонимно. Однако ещё до ареста, когда начались полицейские розыски, он твёрдо заявил: «Я не отопрусь, что книга моя»²³.

Таким предстаёт пред нами образ Радищева, образ мужественного революционера и патриота, исполненного сознанием полной ответственности за свою антикрепостническую деятельность. Радищев считал, что быть достойным признательности народа может лишь тот писатель, который борется с «губительством и всесилием», то есть с самодержавием и крепостничеством. «Недостойны разве признательности, — писал он в заключительных строках «Путешествия», — мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие»²⁴. Это убеждение вселяло в Радищева уверенность в справедливости избранного им поприща — защитника прав угнетённого народа. Жестокие репрессии, многолетняя ссылка в Сибирь, годы лишений и невзгод не сломили духа «рабства врага».

Письма и произведения Радищева показывают, что в тюрьме и ссылке он нередко испытывал жестокие душевные терзания. Оглядываясь на пройденный жизненный путь, Радищев в письме к А. Р. Воронцову от 17 апреля 1799 г. писал: «...человек всегда платит дань человеческой натуре, слабой и измощенной страданиями, а совершенный стоицизм есть химера или, самое большое, — философическая гордыня. Иначе Эмпедокл не бросился бы в Этну, Диоген оставил бы свою бочку, Марк Аврелий... не выстроил бы храм Антиною, и Руссо не писал бы музыки»²⁵. Личные переживания не поколебали страстной веры Радищева в народ.

Глубоким сознанием исторической и личной правоты определяется всё существо деятельности Радищева. Ещё задолго до издания «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищев пытался демонстративно показать, что он никогда не преклонит колен перед царским правительством, держащим народ в оковах гнусного рабства и бесправия. Сын Радищева, Павел Алексан-

дрович, рассказывал, что, когда его отец (видимо, в 1784 или 1785 г.) получил из рук Екатерины II пожалованный ему орден — владимирский крест, он, вопреки установленной при дворе традиции, не преклонил перед ней колено²⁶.

Это был со стороны Радищева символический поступок глубокого политического смысла. Любопытно в этом отношении признание, которое делает Радищев в письме к А. Р. Воронцову 15 марта 1791 г.: «Я часто раскольник бывал во многих мнениях»²⁷. А. С. Пушкин, во многом не соглашаясь с автором «Путешествия», не мог, однако, не признать, что последний действовал «с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестливостью».

Твёрдая уверенность в незыблемости своих принципов свободы не покидала Радищева даже в самые трудные моменты его жизни. Даже в тюремном каземате, под угрозой смерти, принёс покаянную государыне, отрицая по тактическим соображениям многое из своей книги, Радищев всё же не отказывался от осуждения крепостников, поработителей народа. На вопрос, почему он резко осуждает помещиков, Радищев отвечал: писал так потому, что «между помещиками есть такие, можно сказать, уроды, которые, отступая от правил чести и благонравия, делают иногда предосудительные деяния, и сим своим писанием думал дурного сорта людей от таких гнусных поступков отвратить»²⁸. На вопрос, почему признаёт виновными крестьян, убивших своего помещика, Радищев отвечал: «чтобы дурными поступками с крестьянами помещики от сего написания посрамились, а не меньше и навести страх»²⁹. На вопрос, считает ли он всё ещё необходимым освобождение крестьян, Радищев многозначительно ответил: «Как истинную, чтоб крестьяне были вольные, то его желание было»³⁰. В завещании Радищев распорядился освободить от крепостной зависимости его дворовых людей.

Забота о судьбе крестьян не покидала Радищева и после всех пережитых им унижений и мук. В письме к Павлу I, написанном, повидимому, в конце 1790-х годов, Радищев, говоря о своём крайне тяжёлом ма-

²² См. Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву», стр. 297.

²³ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. Т. II. М. 1907, стр. 583.

²⁴ А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву», стр. 451—452.

²⁵ А. Н. Радищев. Избранные сочинения. М.-Л. 1952, стр. 605—606.

²⁶ См. В. П. Семенников. А. Н. Радищев. Очерки и исследования. М. 1923, стр. 238.

²⁷ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. Т. II, стр. 481.

²⁸ Там же, стр. 570.

²⁹ Там же, стр. 572.

³⁰ Там же.

териальном положении и необходимости в связи с этим продажи имущества, указывает, что он опасается, как бы тем самым не ухудшить положения своих крестьян. «Конечно, возможно бы было найти покупателя к моему имению, — писал Радишев, — но я отвлечен всегда был от того тою мыслию, чтобы, доставшееся в другие руки, состояние крестьян моих не сделалось хуже»³¹.

Свою правоту Радишев обосновал и в написанной в трагические дни ожидания казни в тюрьме автобиографической повести «О Филарете милостивом». Он пишет, что к лику праведных «поистине достоин тот причтен быть, кто, забывая даже свое благосостояние, старается ежечасно облегчать бедствия себе подобных». Повесть должна была служить его духовным завещанием.

Ярким свидетельством мужества А. Н. Радищева является известный «Ответ» Радищева при проезде через Тобольск. Ещё не вполне оправившись от заключения в Петропавловской крепости, измученный ссылными этапами, он спешит заявить собеседнику:

Ты хочешь знать, кто? Что я? Куда
я еду? —

Я тот же, что и был и буду весь мой век,
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Через некоторое время, в стихотворении «Послание», вновь раздаётся тот же голос неподкупной человеческой совести:

«Душа моя во мне, я тот же, что и был».

В душе борца, «претящей властию отсюду окруженного», не должно быть обесиливающего уныния, неверия в своё дело.

На предложение А. Р. Воронцова покаяться в содеянном (имелась в виду, вероятно, подача новой покаянной Екатерине II) Радишев ответил вежливым, но твёрдым отказом. В письме от 6 февраля 1792 г. он писал: «Ах, чего бы я ни сделал, лишь бы быть ближе к детям! Но каковым же должно быть сие искреннее раскаяние? Не было ли оно изъявлено весьма сильно с первого же мгновения, когда я был лишен общения с моими близкими?.. Надобны ли еще новые унижения? Ежели те оковы не

ранили души, не замятали сердце, неужто сего было мало для толпы...»³². Под «толпою» Радишев подразумевал, конечно, императрицу и озлобленную против него придворную знать. Трусливым и подлым злопыхателям Радишев дал ответ в лирической басне «Журавли», написанной в Сибири. Раненый журавль преодолевает на своём пути все препятствия. Побуждаемые твёрдой волей, крылья уверенно несут птицу к намеченной цели:

Мешкав он много, летя поменьше,
Землю узрел, вожделенну душею,
Ясное небо и тихую пристань.

Многи ж насмешники в воду упали.

Радишев был первым провозвестником революционной народной свободы. Он «...вольность первый прорицал»³³.

Глубокая вера в неиссякаемую энергию русского народа, в справедливость его революционной борьбы раскрыла Радищеву горизонты далёкого будущего. Он назвал себя «гражданином будущих времен». Он верил, что настанет день — «день избраннейший всех дней», когда под великое, гордо реющее знамя свободы станут несчётные легионы самоотверженных бойцов, когда самодержавие и крепостничество будут свергнуты. «Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую. Я зрю сквозь целое столетие».

Сквозь тёмный мрак феодально-крепостнического безвременья революционер-мыслитель видел яркий блеск зарницы грядущей народной свободы.

В. И. Ленин писал: «Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»³⁴. Деятельность Радищева не прошла бесследно. Она подготовила почву для выступления представителей последующих революционных поколений и послужила мощным толчком к пробуждению общественного, революционного сознания русского народа и других угнетённых народов России.

³² А. Н. Радишев. Избранные сочинения. Гослитиздат. 1949, стр. 573.

³³ А. Н. Радишев. Полн. собр. соч. Т. 1, стр. 15.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 15.

³¹ Там же, стр. 441.